

Некоторые критики-пессимисты поют: нет литературы, нет поэзии, нет литературного процесса. Но, не обращая внимания на эти зауспокойные словеса, наша литература цветет. Новые тексты пишут поэты и прозаики — шестидесятники и семидесятники. Все громче заявляют о себе совсем молодые литераторы. То же самое можно сказать и о художниках, и о композиторах, и об артистах и режиссерах. Другое дело, что средства массовой информации крайне редко предоставляют свои страницы художественной прозе и тем более стихам. У целого ряда газет есть приложения по бизнесу, скажем, или экспертизе, однако приложений по литературе и искусству нет, увы, ни одного.

Бизнес — это, конечно, хорошо. Но именно культура, приходится напоминать об этом, определяет величие народа. Кандинский и Малевич, Достоевский, Толстой, Набоков и Солженицын, Пушкин, Мандельштам, Пастернак и Бродский — эти имена известны во всем мире и приносят славу России.

Произведения крупнейших современных русских писателей ныне переведены на многие языки. Лучшие наши художники представлены ныне в самых престижных музеях мира. А у нас и тех, и других, к сожалению, знают хуже, чем на Западе. Поэтому тем отраднее решение «Вечерней Москвы» предоставлять регулярно две свои полосы современной русской литературе и искусству. От этого выиграют и писатели, и художники, и любители изящной словесности и искусства, и наша культура вообще. И, быть может, почин «Вечерки» окажет влияние на другие газеты, которые поймут, что быть очагами культуры не менее важно, чем живописать, например, криминальную жизнь нашей необъятной Родины.

Недавно в Москве вышла в свет книга моих воспоминаний о жизни в СССР «Человек с двойным дном», которая во второй половине 70-х издавалась в Париже и Западном Берлине. Новая моя книга о 17 годах жизни на Западе состоит из небольших документальных рассказов. Два из них предлагаются вашему вниманию.

Александр ГЛЕЗЕР

Главный редактор журнала «Стрелец»



Вег. Москва. —
1995. — 18 февр. — с. 3.

Два рассказа из книги воспоминаний

Марья Васильевна

Узнав, что мы с Володей Максимовым поцапались, мне позвонила Марья Васильевна Синяевская-Розанова. О ней в эмигрантском Париже ходил анекдот, который, как говорили, она же сама и придумала. Приходит в магазин, хочет купить метлу. «Завернуть или сразу полетите?» — спрашивает продавец.

Не знаю, сочинила ли это действительно Марья Васильевна, но моей жене Майе она говорила: «Если Глезер еще раз против «Синтаксиса» выступит, сглажу его. Я же ведьма». И Майя умоляла меня не трогать больше розановский журнал. Верила!

Так вот, позвонила мне Марья Васильевна.

— Не хотите подвезать, обменяться журналами?

— Почему же нет? Ленин учил, что врага надо знать. Через час буду.

Приехал. Притащил кучу «Стрельцов». Обменялись. Но еще долго она объясняла мне, что такое хорошо и что такое плохо. А основное блюдо напоследок.

— Вам известно, Глезер, что Максимов — агент КГБ?

— Я тебе помогу, Марья Васильевна, можно выдумывать про Максимова, но такое...

— А вы знаете, кто мне об этом сказал?

— Нет.

— Профессор Эткинд.

— Откуда он знает?

— Он не знает, он чувствует.

Нам и вправду было хорошо

Она была привлекательной женщиной. Мы познакомились с ней в кафе «Данте» в Гринич Виллидже. Я сидел в одиночестве, наслаждался граппой и кофе.

— Можно я присяду за ваш столик? — спросила она.

Небольшого роста, хорошо сложенная блондинка, сексапильная.

— Присаживайтесь.

Она тоже заказала граппу. Разговорились. Обычное неудачное замужество. Развод. Нет, возвращаться в Союз не собирается. Устроилась здесь неплохо. Живет в штате Нью-Джерси с мамой. Уже за полночь, когда я собрался уходить, она предложила:

— Давайте я вас подвезу, нам же по дороге.

Водила машину она лихо, чем-то напоминая этим Наташу. Прощаясь, прижалась ко мне.

— Может, встретимся?

— Who not?

— Я свободна послезавтра.

Когда мы встретились, я сразу предупредил, что у меня не так много денег, чтобы идти, например, во французский ресторан, и вообще они мне нужны на другое.

— Понимаю, милый. Пойдем пить чай.

Я подумал, что она иронизирует.

— Можно поехать на Брайтон. Там и лучше, и дешевле.

— Нет, я о чае серьезно. Знаю одно приятное место.

Это место оказалось на Пятой авеню. Без пиджака и галстука туда не пускали. Пришлось надеть выданное казенное. Чай с пирожными. Альтист. Приятная атмосфера. Но этот чай оказался дорожке обеда в том самом французском ресторане, о котором я ей говорил. Правда, она была великолепна. И не только внешне. Она умела и слушать, и говорить. Наизусть читала любимые мои стихи Блока, Гумилева и даже Ходасевича.

— Поехали ко мне, — предложила она, когда, уже затемно, мы вышли на оживленную авеню.

— Но у тебя же мама...

— Она уехала на два дня к сестре.

Мы не спали всю ночь: занимались любовью, читали друг другу стихи, снова занимались любовью, а утром она сказала:

— Ну разве я не твоя женщина?

— Кажется, моя.

— Завтра я приеду к тебе. Ты не против?

Я обнял ее. В течение двух майских недель мы были неразлучны. И только изредка, приходя в себя, я ужасался. Никаких денег на такую жизнь хватить надолго не могло. Но и сказать ей об этом я не мог. Недоставало мужества. И вдруг как-то разбирая наиболее ценные бумаги, я увидел, что отсутствуют два письма Солженицына и письмо Оскара Рабина, присланное им мне еще из Москвы. В квартире никого, кроме нее, за это время не было. Вечером она спросила:

— Что-нибудь случилось?

— Нет.

— Но ты чем-то озабочен.

я ее голос.

— Не сегодня. Куча писем, на которые нужно ответить.

— Я тебе помогу.

Мы сели на кухне за стол. Среди груды писем были и на английском. Она переводила и тут же печатала ответ на моей старенькой машинке.

— Слушай, — вдруг спросила она, — у меня приятельница на днях летит в Москву. Может быть, тебе нужно что-нибудь передать друзьям?

Еще как было нужно. Затевалась совместная акция — в Москве, Париже и Нью-Йорке. Надо было согласовать действия. Но я ей уже не доверял.

— Нужно передать одно письмо, но боюсь, ее могут на таможне обыскать.

— Пиши, пиши, она не из тех, кого обыскивают.

Я написал письмо-проверку. Через неделю мне позвонили из Москвы.

— Получили твое письмо. Но о сути его знаем не только мы.

— Выкиньте его и забудьте. Будет другое.

Утром, когда она еще спала, я уехал в Нью-Йорк. Вернулся поздно вечером.

— Где ты был весь день?

Я подошел к ней и вмазал пощечину.

— Ты на кого работаешь, сука?

Она поняла, что я ее сейчас ударю.

— Не бей. Прости. Я люблю тебя.

— Вы не умеете любить. Вы умеете только ненавидеть. Убирайся.

Она молчала, не двигаясь с места. Резко завопил телефон.

— Могу я поговорить с Леной?

— Вы из КГБ или ГРУ? — шучу я.

Она вскочила.

— Как ты можешь?

— Убирайся.

— Если бы я не согласилась, они бы меня сюда не выпустили.

Ничего не ответив ей, я подошел к шкафу, побросал в чемодан ее вещи и швырнул чемодан за дверь.

— Все понимаю, Лена, но предательства не прощаю. Бай-бай.

Она молча вышла за дверь и уже оттуда тихо, чуть ли не шепотом:

— Нам было так хорошо.

Я закрыл дверь, повернул ключ и закурив. Нам и вправду было хорошо.

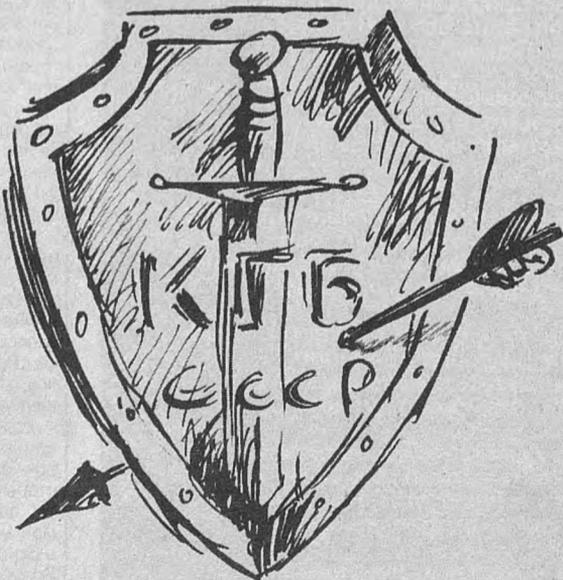


Рисунок Алексея ИОРША

— У меня пропали важные письма.

— В твоём бардаке сразу ничего не найдешь.

Вернувшись на следующий день из музея, я вновь стал перебирать ту связку. Что за чудо? Все три письма здесь. Но прежде они лежали в другом порядке, я это помнил точно. Брали снимать копии? Не исключено. Кто? Конечно, она.

— Пойдем в «Приморский», — раздал-